

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 39

1 декабря 1944 года

№ 39

СОДЕРЖАНИЕ:

Исторические очерки Дона
(продолжение) — П. Н. Краснов.

*

Как казаки проникли в Амурский край

*

День Св. Архистратига Михаила — Уралец.

*

Уральцы в Праге в 1799 году

*

На этапе — Е. Тихоцкий

*

Мы куем кадры (продолжение) — В. Никонов

*

Стихотворения П. Приморского и Андрея Ф.

*

В первой казачьей (продолжение) — А. Яганов

*

Оля (продолжение) — Ф. Печорин

*

Розыски

Генерал Добровольческих Войск генерал от кавалерии Кестринг награжден Фюрером Рыцарским Крестом ордена «За военные заслуги» с мечами. На снимке — генерал принимает поздравления представителей Добровольческих соединений и сердечно пожимает руку одного из членов делегации — донского урядника, выступившего с приветственным словом.

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F. P. Nr. 02306

Исторические очерки Дона

Часть вторая

Продолжение *)

LVI.

Сан Стефанский мир. Берлинский конгресс. Разочарование в России и на Дону.

19 января 1878 года было заключено перемирие, а 19 февраля в Сан Стефано был подписан мирный договор.

Русские войска не вошли в Константинополь. Они были остановлены приказом своего Государя. Император Александр II в начале войны был вынужден обещать английской королеве Виктории, что Русские не войдут в Константинополь. В дела войны вмешалась политика. Английский флот стоял в Дарданельском проливе. Англия угрожала начать войну с Россией. Австрия готова была отрезать Русскую армию от Дуная и занять мосты, наведенные через Дунай.

Условия Сан Стефанского мира после явной и очевидной победы Русских армий на Балканах и в Закавказье были тяжелы для турок.

Обширная часть Турецкой империи, от Дуная до Эгейского моря и от Охридского озера до Черного моря выделялась в особое княжество Болгарское, вассальное султану, но находящееся под покровительством и управлением России.

Черногорское княжество становилось свободным от Турции. Сербия и Румыния получили полную независимость от турок. Сербия получала земли в Старой Сербии, Румыния — Добруджу взамен придунайской части Бессарабии, которая возвращалась России.

В Малой Азии Россия получала Адраган, Карс, Батум и Баязет и земли до Сагандынского хребта.

— Это — конец Турции, — говорили турки. — Самостоятельная Болгария знаменует гибель Турецкой империи, прекращение ее владычества в Европе; после этого нам ничего не остается, как уйти обратно в Азию.

Главнокомандующий Русской армией на Европейском фронте Великий Князь Николай Николаевич такими словами известил Государя о Сан Стефанском мире:

— Господь сподобил нас, Государь, окончить предпринятое вами великое, святое дело. В день освобождения крестьян вы освободили христиан из под ига мусульманского.

Но не дремал исконный враг России и ее завистник — Англия. Основываясь на Парижском договоре 1856 года, по которому всякие изменения в положении Турции допустимы лишь с общего согласия Европейских держав — Англия потребовала пересмотра Сан Стефанского договора.

Обессиленная войною, с пустою казною, Россия принуждена была согласиться. Мирный «конгресс» состоялся в Берлине. Английский жид, лорд Биконсфильд, настаивал на унижении России. Представитель Австрийского Императора Франца Иосифа, столь многим обязанный России, его поддерживал. Друг Императора Александра II Германский Император Вильгельм был стар и дряхл. Его канцлер, князь Бисмарк, делал что мог, чтобы смягчить требования Англии. Русский представитель не рискнул идти против Англии. Берлинский конгресс, закончившийся 1 июля 1878 года, более чем на половину урезал приобретения и свободу славянских государств.

Русская армия возвращалась в Россию разочарованная. Свобода славян урезана. Земельные приобретения Сербии и Черногории уменьшены.

С таким же общим тогда чувством разочарования возвращались на Дон и Донские казачьи полки. Их встречали парадными обедами, забрасывали цветами... Не то!.. не то!.. В застольных речах сквозила тихая грусть обиды. Говорилось о чем то недоделанном, к чему еще придется вернуться и снова лить кровь... Тяжелая рука Англии тяготела, как рок над Россией. Это было обидно и горько. Невольно приходили на память дни Севастопольской кампании — ее Парижский мир... Теперь ей предписанный Берлинский «трактат»...

«Да... Всегда и везде России англичанка гадит».

Эти настроения выразились на одном парадном обеде в Новочеркасске, данном оставшимися на Дону вернувшимся с войны офицерам. После обычных здравниц за Государя, за Россию, за войско Донское, встал старый маститый донец. Он постукал ножом о рюмку. Все приготовились слушать. Что то скажет он, кого все уважали за его прямоту и смелое слово. Ста-

рый казак тяжело вздохнул и сказал мягким черкасским говором:

— Ви воевали, а ми горевали... Вот что...

Он помолчал и тихо добавил:

— Вишьем за здоровье преосвященного.

Все поняли — на все воля Божья! Ее же не перейдешь!

LVII.

Революционное движение в России. Землевольты и народо-вольты. Что знали они о Донском войске. Их работа на Дону. Убийство Царя Освободителя Императора Александра II 1 марта 1881 года.

Это разочарование войною и усталость от нее, недовольство крестьян, освобожденных от крепостной зависимости без земли, учли те Русские отщепенцы, «эмигранты», проживавшие за границей в Швейцарии, Франции и Англии и при поддержке иностранцев давно ведшие подрывную работу против России.

В шестидесятых годах XIX века работа их усилилась. Революционеры Огарев, Герцен, Бакунин и другие посылали из за границы свои задания и основали в Петербурге тайное общество «Земля и воля». Герцен издавал за границей журнал «Колокол».

В 1879 году «партия» «Земля и воля» распалась на две: «Черный передел» и «Народную волю». Революционеры, получившие общее имя «народо-вольты», поставили себе цель убить Государя Императора и приступить к созданию в России ряда республик или областей. Они думали привлечь к себе крестьянский мир обещанием крестьянам больших наделов земли, устроить как они называли «черный передел», отобрав землю от помещиков и передав ее в общинное владение крестьянам.

Прожив почти всю жизнь за границей, «эмигрантами», они были очень невежественны в Русских делах, мало знали о Донском войске, считали Разина и Пугачева государственными людьми и их программы ставили себе в основу овладения умами Донских казаков.

В 1861 году Огарев, друг Герцена, проехавший через Донское войско по дороге на Кавказ писал в 6-ой книге «Полярной звезды» восторженные письма с Дона.

«... Самое казачье племя произвело на меня благотворное впечатление. В нем было что то более свободное, не было запуганных лиц. Тут чувствовался кряж народа посамостоятельнее. Степной человек любит волю, ему границы чужды и противны. В степи человек неуловим: его нельзя придушить, как человека прижатого к забору. Он отхлынет в пространство, а если уж когда сам нахлынет, то вся степь дрогнет от Астрахани до верховья, и по северным лесам гул пойдет, качнется и Московский колокол...»

Влад ему мечтал и Герцен о том, как поднимается весь юг России.

Наемник англичан Герцен писал в 1854 году англичанину Лигтону: «Когда к двенадцати миллионным рабов присоединятся казаки, глубоко обиженные потерей своих прав и вольностей, раскольники, да сверх того часть дворянства, будет о чем подумать тогда жителям Зимнего дворца...»

В 1861 году Герцен звал русскую молодежь «в народ и в народ». Звал на Дон, Урал, Волгу и Днепр.

Народо-вольты, очень мало знавшие о казаках взяли казачью общину и ее управление при помощи Круга за образец, а Пугачева и Разина изображали подлинными социалистами.

С чем же шли на Дон эти молодые люди, воспитанные и выросшие или за границей или на заграничных книжечках и тощих тетрадках?

Более старые и опытные, знающие Россию и Дон революционеры предупреждали товарищей от заблуждений и ошибок. Заграничные революционеры Лавров, Морозов и Гартинг писали: «возьмем хоть Донское казачье войско. Как крестьянину, так и казаку, прежде всего бросается в глаза экономическая и правовая разница их положения. Отсюда антагонизм (вражда), заставляющий крестьянина с завистью поглядывать на огромный, сравнительно, надел Донца, и этого последнего презирать «мужика». Спрашивается, полагают ли социалисты совершенно оставить в покое казачество и, если нет, то какой успех будет иметь в казачестве революционная брошюра, трактат».

*) См. № 38 «На Каз. Посту».

тующая о нуждах мужика, написанная крестьянским языком?...

Невежественные землевладельцы пустили в Донуком крестьянстве слухи о том, что: «наследник приезжал на Урал и говорил казакам, что народу в России расплодилось так много, что мы порешили отобрать земли у бар, купцов, а также у вас и у Донцов и разделить ее поровну между всеми. А коли это вам не по праву, то можете выселяться на границу...»

Разжигаемые народовольцами крестьяне донские говорили: — Царь казаками за последнюю войну очень недоволен и потому именно, что донцы, вишь, измену оказали, продали порою туркам, а мужики остались верны. Потому Царь с Наследником тогда же порешили: как только окончится война, отобрать в наказание у казаков землю и передать ее за верность крестьянам.

В своих брошюрах, рассылаемых разными способами казакам народовольцы писали: о Парижской коммуне, о классическом образовании при графе Д. Толстом, о том, что приближается годовщина смерти Степки Разина и Пугачева (1870 г.), «когда осмысленная ненависть, накопившаяся в мужицкой груди грянет Божьим громом над знатью».

Можно себе представить как принимались такие писания казаками. Донцы с негодовавшим передавали их по начальству.

Народовольцы были принуждены оставить войско Донское в покое.

Их работа сосредоточилась в Петербурге. Там, после целого ряда жестоких и кровавых покушений на Императора Александра II, 1 марта 1881 года группа народовольцев подстерегала Царя Освободителя, когда тот возвращался из Михайловского манежа с развода караулов в Зимний дворец и брошенной бомбой смертельно ранила Государя. По привезении во дворец Император Александр II в тяжких страданиях скончался.

Первым прискакал к Зимнему дворцу вызванный по тревоге лейб-гвардии Сводно-Казачий полк — лейб-казаки и атаманы. Донские казаки в эти смутные и тревожные дни взяли на себя охрану и наблюдение за порядком в столице. Не возвращаясь в казармы они заняли пикетами и конными постами перекрестки больших улиц, не допуская народных сборищ.

Убийство Государя не вызвало ожидаемых народовольцами мятежей и народных волнений. Тихая скорбь и печаль охватили всю Русскую землю. Царь Освободитель был назван народом Царем-Мучеником. В народе было возмущение тяжким злодеянием.

2 марта 1881 года на Всероссийский престол вступил Император Александр III Александрович. Атаманом всех казачьих войск и шефом лейб-гвардии Атаманского полка был назначен Наследник Цесаревич Николай Александрович (Государь Николай II).

LVIII.

Царствование Императора Александра III. Накопление сил и денежных средств. Строительство железных дорог. Великий Сибирский путь. Отмена подушной подати. Рабочий вопрос. Высшие учебные заведения. Преобразования военного министра Ванновского. Кушка. Царь-Миротворец.

Тринадцатилетнее царствование Императора Александра III (2-го марта 1881-го года — 20-го октября 1894-го года) некоторые русские «историки» рисуют, как время мрачного затихия, средостения, затхлости, как путь назад от светлых реформ «либерального» времени его отца Александра II. Тогда была готова составленная Лорис-Меликовым «конституция». Государь должен был подписать ее, вернувшись после развода из Михайловского манежа 1-го марта. Вместо того было убийство Государя. Его жизнь оборвалась в самый торжественный миг Русской истории. Все это не могло не отразиться на новом Государе и его работе. Он вынужден был вступить на путь сильной власти, на путь усиления самодержавия, что и получило в истории название «реакции».

Нет, это не была реакция. Это было вынужденное отступление для успокоения государства.

Точно предчувствуя тяжелые годы войн, смут и страданий, ожидавшие русский народ, Император Александр III накапливал для сына народные силы и средства, чтобы тот мог с честью вывести государство на верный путь благоденствия.

Русско-турецкая война 1877—78 годов, освобождение славян, создание на Балканах новых государств, основательная ломка жизненного строя всей России не дешево обошлись русской казне. Казна была пуста. Деньги обесценены.

Историк Чичерин пишет об этих днях вступления на престол Императора Александра III: «Государь, даровавший свободу многим миллионам своих подданных, впервые внесший в Россию неведомые ей дотоле начала права и закона, совер-

шивший в короткое время величайшие преобразования, о каких повествует всемирная история, пал, злодейски растерзанный убийцами, вышедшими из недр благодетельствованного им народа». Это убийство, проведенное с необычайной жестокостью и упорством показало, как много зла накопилось в русском народе и поставило перед Императором Александром III сложную и трудную задачу искоренить зло и поднять благосостояние государства.

В 1880-ом году в России был перерасход 45 миллионов рублей. В 1893-ем году доходы государства превысили расходы на 100 миллионов рублей. Такое состояние финансов дало возможность Государю Николаю II в 1897-ом году ввести в употребление золотые и серебряные монеты и тем вернуть доверие к русскому рублю во всем свете.

За тринадцать лет царствования Александра III было построено 14 тысяч верст железных дорог и в 1891-ом году была начата прокладка Великого Сибирского пути, от Петербурга и Москвы к Великому океану, к Владивостоку.

18-го мая 1882-го года был создан Крестьянский поземельный банк. 28-го мая 1885-го года отменена подушная подать. Тогда же начато правильное переселение крестьян на южные окраины России — в Сибирь и в Среднюю Азию, в богатое Семиречье и Туркестан.

Был поднят рабочий вопрос. Запрещено было принимать на фабрики детей моложе 12-ти лет; запрещена ночная смена малолетних и женщин. Число рабочих часов было сокращено. Созданы фабричные инспекции.

В помощь земству были назначены земские начальники.

Число высших учебных заведений, гимназий и школ быстро росло. В 1888-ом году основан первый университет в Сибири — в Томске. В Харькове был устроен Технологический институт. В Иркутске и Красноуфимске были созданы технические и промышленные школы. Россия становилась на самостоятельный путь развития и благоустройства.

Во всем вводилась разумная бережливость. Дорогие, нарядные, парадные мундиры гвардии и кавалерии были заменены простыми мундирами, сшитыми по образцу русской рубахи-косоворотки. К петровской мудрой и победной старине вел Русское войско Император и его военный министр скромный и невзрачный на вид генерал-адъютант Петр Семёнович Ванновский. Наименование кавалерийских полков в армии кирасирами, уланами и гусарами было отменено; вся кавалерия становилась драгунской. Цветные фуражки, каски, шапки и кивера, флюгера на пиках, самые пики, сабли, мундирные лацканы, «ментшкеты» и «этишкеты» были сняты и отменены. Все были вооружены пашками и с 1891-го года, вместо однозарядных винтовок Бердана получили пятизарядную магазинную малокалиберную винтовку системы Мосина. Конница стала обучаться не только конному, но и пешему бою. Ванновский брал на учет каждую медную пуговицу, каждый вершок дорогого приборного цветного сукна...

Это не была «реакция». Это было мудрое выправление, обуздывание зарвавшейся России, направление ее на путь совершенствования и скромности.

Если не считать захвата у афганцев крепости Кушки — мир в России не был нарушен во все тринадцать лет царствования Императора Александра III. Афганцы, подстрекаемые англичанами, произвели нападение на русские границы в Туркестане; в ответ на это нападение генерал Комаров занял с боя афганскую крепость Кушку и утвердился на границах Афганистана. Это встревожило англичан, и они в резкой форме потребовали от Государя Александра III примерного наказания генерала Комарова. Александр III на предъявленной ему послом бумаге написал: «наказать генерала Комарова бриллиантовым оружием за проявленные храбрость и распорядительность». Англичане замолчали.

Народ оценил по заслугам заботы Государя о мире и благоденствии страны и назвал Императора Александра III Царем-Миротворцем.

(Продолжение следует.)

П. Краснов.

ОТ РЕДАКЦИИ

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает.

Как казаки проникли в Амурский край

I. Инструкция Сибирского приказа.

Московское правительство при царе Алексее Михайловиче весьма интересовалось всем происходящим на Дальнем Востоке. К докладам сибирских воевод в Москве относились с большим вниманием. Делалось все, чтобы использовать все представляющиеся возможности, дабы распространить влияние Московского государства, покорить новые территории и получить новые источники дохода.

Когда 28 мая 1650 года якутский воевода Дмитрий Францбеков прислал в Москву донесение о путешествии купца Ерофея Павловича Хабарова, в Сибирском приказе немедленно обратили внимание на новые возможности.

Было решено в следующем, 1652 году, отправить в Даурию военную экспедицию во главе с Дмитрием Зиновьевым. Последнему была поставлена задача войти в соприкосновение с Хабаровым и выяснить, какие выгоды можно там получить для Москвы, какое число людей надобно для завоевания этой страны, какие дороги ведут оттуда в Китай и т. д. Все эти данные Зиновьев должен был сообщить Сибирскому Приказу. Зиновьев проник в Даурию с несколькими даурскими князьками и отрядом казаков. В Сибири он увеличил свой отряд до 330 человек и с ними прибыл к Хабарову на реку Шилку. Первое зиновьевское донесение, хотя и не было исчерпывающим, но все же по нем Сибирский Приказ мог составить себе общую картину положения. По данным, полученным от Хабарова и туземцев, в Даурском крае не было золота, но страна представляла хозяйственные выгоды, благодаря своей торговле с Китаем. Этим ограничивалось все, что было сказано о хозяйственных возможностях страны. Зиновьев не нашел в Даурии населенных пунктов, будто бы потому, что туземцы, при приближении экспедиционного корпуса, сжигали свои жилища и бежали вглубь страны. Тем не менее Зиновьев утверждал, что даурцы охотно подчинились бы Московскому царю, если бы он захотел взять их под свою защиту. Однако этого донесения было достаточно для того, чтобы стоящий во главе Сибирского Приказа князь Трубецкой решился на новую экспедицию, целью которой было занятие страны и подчинение ее московскому царю. Когда решение о завоевании страны было принято, во главе экспедиции был поставлен воеводой Афанасий Пашков, в помощники которому был назначен его сын Еремей. Для воеводы этой новой экспедиции Сибирский Приказ разработал специальную инструкцию. Согласно этой инструкции Пашков должен был, в первую очередь, думать об интересах Московского государства и выяснить, где в Даурии залегают руды и другие ископаемые. Он должен был заключить с туземцами, которые пожелают перейти под московского царя, договоры. Своё пребывание Пашков должен был первоначально иметь на Шилке, где Хабаров уже заложил крепости. Для пополнения гарнизонов он должен был взять с собой 300 казаков, которых города выставляли по следующей разверстке: Тобольск — 60, Тара — 30, Тюмень — 40, Верхотурье — 20, Пелым — 15, Турин — 10, Сургут — 10, Березов — 40, Томск — 15, Корзутук — 10 и Красноярск — 15. Все эти казаки должны были выйти в поход без всяких семей и налегке. Этот порядок соответствовал обычаю брать в опасные предприятия неженатых казаков, которые были более подвижны и не имели никаких забот.

Экспедиционный корпус должен был получать все необходимое снабжение от енисейского и тобольского воевод. Так как Тобольск был слишком далек, вся тяжесть этой задачи ложилась на Енисейск. В московской инструкции предусматривался следующий план: Пашков должен был снарядить суда в Илеме, чтобы плыть по Лене, в Тучине забрать собранные там Хабаровым запасы и далее проникнуть в Даурию. Таким образом мог долгое время держать свои запасы на воде.

Далее в инструкции предписывалось держать казаков в строгой дисциплине, наказывать за каждый проступок и особенно награждать за верность. Продвигаться вперед Пашков должен был с большой осторожностью. Ему надлежало на определенных расстояниях закладывать опорные пункты (остроги). Ему было вменено в обязанность строить в этих острогах церкви. Коль скоро какой-нибудь район будет занят — воевода должен собирать туземцев, выяснять им выгоды, которые им принесет служба царю и склонять их к подчинению и верности. В инструкции было уделено много места наказам о том, как следует обращаться с туземцами. Продвигаться по занятым областям следует осторожно и замечать вновь заложённые им опорные пункты, чтобы потом

о них не забыть. В самой стране он должен был быть всегда настороже. Особенно он должен был выяснять возможности туземцев вести войну.

Но, проходящих к воеводе туземных князей он должен принимать дружелюбно, угощать их, согласно их обычаям и религии.

Если же какой-либо из туземных князей вновь подымется против Москвы, воевода должен действовать решительно и предупредить его, что если он не покорится — улус его будет разрушен и семья взята в плен. Воевода должен употребить все доводы устрашения и указать непокорному, что у его отряда имеются тяжелые пушки, пробивающие шестиметровые стены, так что даже большие города не смогут против него устоять.

Инструкция предписывала воеводе ничем не пренебрегать для того, чтобы расширить сферу влияния Двуглавого орла. Воевода должен был посылать послов к соседним князькам с требованием подчиниться и обещанием взять их под царскую защиту. Воевода должен был быть справедливым в отношении князьков и не давать им никаких победов для отпадения. Инструкция предусматривала прежде всего обязанность туземцев платить дань (ясак). Необходимо было способствовать земледелию и в качестве крестьян привлекать в страну бродячих людей.

Учитывая прошлый опыт, Сибирский Приказ требовал от воеводы, чтобы он не присваивал меха себе и не вел бы обмена для себя. И во всех других отношениях воевода не должен был искать личных выгод и обогащения. Особенно не должен был он держать в своем доме туземцев в качестве рабов или же по окончании своей миссии брать их с собой в Москву. Также, согласно инструкции, строжайше запрещалось обращать кого бы то ни было насильно в христианскую веру. Только по свободному решению каждый мог принимать Св. Крещение. Это постановление было гораздо более прогрессивным, чем последующая практика 18 века. Страна не должна была быть обезлюдена. Население должно было в ней оставаться. В занятых уже областях управители должны были править честно и справедливо. Те же требования предъявлялись и ко всем младшим чиновникам. Их жизненное поведение должно быть скромным, они должны соблюдать свое достоинство. И прежде всего они должны думать о царской выгоде и не преследовать своих личных. Им категорически запрещалось гнать спирт, или ценой табака и вина производить выгодные для себя сделки.

В дальнейшие подробности инструкция не вдавалась. Все остальное предоставлялось решению совести каждого отдельного должностного лица. Каждый должен был вести себя так, как повелевал ему Господь Бог.

II. Протопоп Аввакум и воевода Пашков.

По странному совпадению одновременно с отправкой экспедиции Афанасия Пашкова в Сибирь другой человек должен был отправиться на Дальний Восток и там присоединиться к даурской экспедиции. Это был глава старообрядцев широко известный протопоп Аввакум.

Аввакум Петров своей непримиримостью и открытым противодействием реформам патриарха Никона навлек на себя гнев всемогущего церковного реформатора и был осужден на десятилетнюю ссылку в Сибирь.

В Тобольске впрочем Аввакум нашел защиту и помощь у митрополита, который сам не сочувствовал церковным нововведениям Никона. Он получил в Тобольске хорошее положение, которое вскоре же потерял вследствие своего независимого характера и фанатичности.

Отправляясь в ссылку, Аввакум не подписал обязательство и в далекой Сибири не вести борьбы против Никона.

Во всяком случае он не мог долго удержаться в Тобольске и, по предписанию из Москвы, был выслан далее в Енисейск. Когда он уже туда прибыл, он получил приказ присоединиться к даурской экспедиции Пашкова. Вопрос остался открытым, был ли он прикомандирован к экспедиции в качестве походного духовного лица или просто в наказание. В своем жизнеописании Аввакум коротко пишет: «и отдали меня Афанасию Пашкову в полк».

Если до того Аввакум с триумфом проехал через Сибирь, то теперь в даурском походе он должен был, как мученик старой веры, подвергнуться тяжчайшим испытаниям. Аввакум описал десятилетнее сибирское путешествие, полное

трудоу, нужды и борьбы. «10 лет он меня мучил или я его, не знаю — Бог разберет!»

«Все эти десять лет протопоп Аввакум провел в тяжелых столкновениях с воеводой, так как он был убежден, что Пашков получил из Москвы приказ всячески его мучить.

Воевода открыто выставлял духовника своего отряда еретиком, чтобы уронить его авторитет в глазах казаков и прочих членов экспедиции. Более того, он подвергал его телесным истязаниям и не останавливался перед заключением Аввакума под стражу. Как Аввакум сам свидетельствует — воевода в гнев не раз кричал ему: — «Еретик-де ты! Поди-де по горам, а с казаками не ходи!» Разгадку этих натянутых отношений можно найти в том, что Аввакум имел большое влияние на казаков и это было негодно воеводе. Последний должен был отдалять Аввакума от казаков. Казаки прекрасно знали, что думал о протопопе воевода, но не хотели стать на сторону последнего. По этому поводу сам Аввакум писал: «Я казакам кашу наварил, да кормлю их, а они бедные и едят и дрожат, а иные плачут, глядя на меня, жалеют по мне». Пашкова Аввакум характеризует так: «Суров и бесчеловечен человек, беспрестанно людей жжет, мучит и бьет». Очевидно по этой характеристике составилось и мнение профессора Кизеветтера: «грубый и жестокий самодур».

Пашков для себя имел все, а люди его в чужой стране нуждались и он вытягивал из них последние силы.

Аввакум со своей стороны не пропускал случая, чтобы отравить жизнь воеводе и возбудить его гнев. Между прочим он написал Пашкову письмо, в котором осуждал его несправедливость и приводил целый ряд обвинений. Об этом письме сам Аввакум заметил: «Там писано многоюко».

В результате Пашков за эту непочтительность привлек Аввакума к ответственности. В гнев, опираясь на саблю, стоял воевода и спрашивал протопопа: «Поп ли ты или распоп?»

Имея дело с осужденным и лишенным духовного чина протопопом, Пашков согласно предоставленной ему власти мог его наказывать и арестовывать.

72 удара кнутом были очень сильным наказанием, которое даже для богатырской природы протопопа Аввакума было нелегко перенести. Он сам свидетельствует: «Егда спусти-ли, я задрожал да и упал».

К тому же воевода держал его связанным, как разбойника. При дальнейшем походе Пашков оставил Аввакума под стражей на одном из опорных пунктов, где он должен был оставаться до следующей весны. Все это время Аввакум содержался в строгом заключении. И после этого, по свидетельству Аввакума он еще до 7 раз подвергался такому же тяжелому наказанию. Когда весной экспедиция переправлялась через Байкал, Афанасий Пашков заставил Аввакума бурлачить. Два тяжелых года с периодическими заключениями и наказаниями провел протопоп Аввакум. Его судьбу разделяли многие другие участники экспедиции и многие не выдержали всех этих испытаний. Но Аввакум не потерял ни мужества, ни интереса к окружающему. Сохранилось его описание природы земель между Байкалом и Амуром.

С большим изумлением смотрел он на высокие горы и крутые, отвесные скалы, которые он сравнивает с природной стеной. На путях из Москвы на Дальний Восток он нигде не встречал таких скал. И животный мир этой страны он воспринимал с удивлением и изумлением. Он встречал здесь птиц всевозможных пород, для которых он даже не мог подыскать названий. Рядом с орлами и соколами называет он индейских кур и другую дикую птицу. На горах и в лесах примечал он оленей, диких коз, лосей и многочисленных диких зверей.

Для постройки все новых крепостей на своем пути экспедиция должна была все время рубить лес. Рабочей силы не хватало и ее пополняли сами казаки и другие члены экспедиционного корпуса. Зачастую питались они пойманной рыбой. Свои жилища они тоже должны были сами строить и зимой переносить холода, а весной разливы и бури. Не без основания жалуется протопоп Аввакум на создавшееся непредвиденное и непереносимое положение.

Чем дальше отдалялась экспедиция от своих баз, тем тяжелее становился вопрос о продовольствии. Аввакум не преувеличивает, когда пишет, что немногие оставшиеся в живых участники экспедиции под конец питались разными травами и растениями. Зимой им приходилось есть сосновую кору и замерзших зверей.

С 800 казаками выступил Пашков в поход. Большая часть их осталась в качестве гарнизонов во вновь выстроенных крепостях. С меньшей частью Пашков продолжал поход. В пути воевода выслал своего сына Еремея с небольшим ка-

зачным отрядом, чтобы подчинить туземцев московской власти.

Когда Пашков, как рассказывает Аввакум, своего сына послал против монгольских князей, он дал ему в общем 72 казака и 20 туземцев.

Как суеверный человек воевода спросил одного из шаманов, какова будет судьба этого предприятия.

Шаман ответил: — «Они победоносно вернутся с большой добычей назад».

В ходе протеста Аввакум открыто молился о неудаче экспедиции. Пашков был столь уверен в своем деле, что первоначально не обратил серьезного внимания на эту выходку Аввакума. Только когда от сына не пришло никаких известий, Пашковым овладело беспокойство. Когда уже всякая надежда была потеряна, Еремей Пашков вернулся один и сообщил, что все его люди до последнего человека погибли. Сам он был ранен, но его спас один туземец. Семь дней он блуждал в делях, пока во сне человек, в образе Аввакума, не показал ему дороги. Виновником за гибель казаков Пашков признал Аввакума. Он закричал на протопопа: — Так то ты себя ведешь! По твоей вине погибло столько казаков!..

Аввакум имел большое влияние на Еремея и женщин его семьи. Между отцом и сыном произошли неладья из-за протопопа. В диком гнев Афанасий Пашков нацелился в сына из мушкета, но курок дал осечку. Выстрела не последовало и во второй и третий раз. Тогда Пашков отбросил оружие, которое поднял один из казаков.

В доме Пашкова Аввакума почитали за святого человека. Жена Афанасия Фекла Семеновна и жена его сына Евдокия Кирилловна всячески подкармливали Аввакума. Особенно защищали они Аввакума за то, что он вымучил маленького сына Евдокии. Женщины засыпали Аввакума подарками и на этот раз с ведома самого Афанасия, который очень любил своего маленького внука. После этого события женщины со всеми своими нуждами стали обращаться к Аввакуму, как к «святому отцу». При лечении людей и животных Аввакум прибегал к «живой воде» и другим магическим средствам. Сам Аввакум был убежден, что он действует Божией благодатью.

Из 10 лет, что провел Аввакум в Сибири 6 или 7 лет он был в пашковском походе. По свидетельству Аввакума главные силы экспедиции все время следовали по рекам, в то время как маленькие отряды строили и занимали опорные пункты в стране.

Экспедиция следовала вниз по Тунгуске, через Байкал, далее по реке Шилка до озера Игень и по реки Ингода. Под конец экспедиция остановилась на реке Нартч. Здесь большая часть участников умерла от голода. Удалось ли экспедиции охранить страну при помощи большого количества опорных пунктов и казачьих станов — из описания Аввакума не ясно.

Зимой 1665 года Пашков вернулся обратно в Москву без Аввакума.

Но срок ссылки протопопа скоро истек. Аввакум отправился в Россию один-одном того же года в двадцатитысячестерстное путешествие.

Повсюду на опорных пунктах он сердечно прощался с казаками и с большими трудностями пересек страну. Приходилось принимать меры предосторожности, ибо по всей стране было беспокойно. То там, то здесь появлялись татары и башкиры, грабили и исчезали.

При этих условиях неудивительно, что Аввакум не вынес от Даурии никаких отрядных впечатлений. Своё мнение об этой стране он зафиксировал в следующих немногих словах: «Страна варварская, иноземцы не мирные, отстать от лошадей не смеем, а за лошадьми идти не посмеем — голодные и томные люди. Брешишь, брешишь, да и ушибешия, повалишия».

Перевод с немецкого Е. Букреева.

Вышла из печати и рассыпается в казачьи части

НОВАЯ КНИГА:

«БЕСЕДЫ СТАРОГО КАЗАКА С МОЛОДЫМИ»

День св. Архистратига Михаила

21 ноября по новому стилю — день Святого Архистратига Михаила — 6. Войсковой праздник уральских казаков.

В этот день, когда осень уже прошла, а зима еще по настоящему не наступила, редко день выдавался погожий, удобный для Войскового праздника.

Но для казаков традиция — дело святое — установлен праздник, значит по заветам стариков надо праздновать несмотря на погоду.

К празднику начинали готовиться еще за месяц. Местный гарнизон города Уральска, состоящий из учебной сотни казаков и нескольких стрелковых рот пехоты, начинал заниматься маршировкой, учением на плацу перед казармами, расположенными в конце Туркестанской площади у Старички (старое русло Урала).

К дню Праздника со всех станиц Войска съезжались почетные старики, георгиевские кавалеры прошлых войн, «ипутаты» (депутаты) — представители станиц на Войсковом Казачьем Съезде, вызывались казаки, состоящие на льготе в Войске. Последние приезжали в полной парадной казачьей форме и принимали участие в параде.

Войсковой Праздник проходил в старинной части города Уральска — в «Куренях» — на площади у Старого Собора Михаила Архистратига.

Еще в седой древности, когда между Москвой и поселениями первых яицких казаков простиралась глухая астраханская и приволжские степи, где на сотни километров не было человеческого жилья, а рыскали только дикие кочевники ногайцы и киргизы, порешили яицкие казаки перенести свой городок с Кирсановского урочища на новое место. На старом месте их донимали пески. Так и вошло в поговорку — «Кирсановские пески задают людям тоски».

Старое поселение было на месте нынешней Кирсановской станицы.

Казаки разобрали деревянную церковь Св. Михаила Архистратига, соорудили из нее плот, положили на него свой немудрый скарб и спустили вниз по Яику-Горынычу, а коней и скот погнали по берегу.

Между слиянием рек Яика и Чагани им понравилось место для поселения; орошаемое водами двух рек, оно привлекло их своим приветливым зеленым видом среди дикой, беспредельной степи. Здесь были поемные луга и чернолесье, а в Яике красной, частичковой рыбы — не впрокорот, только не ленясь, закидывай невод и тяни.

В углу, образуемом Яиком и Чаганом, заложили Яицкий городок, построили деревянную церковь Михаила Архистратига, вокруг церкви расположились казачьи курени. С тех пор и название старое осталось — «Курени» — центр старинного Яицкого городка.

Деревянная церковь несколько раз горела, улицы были тесные, узкие, городок вжимался в земляные валы; деревянные стены опоясывали городок, защищая от набегов степных кочевников. А за стенами и валами шла степь — дикая, ковыльная и конца краю ей не было. Она манила своими беспредельными горизонтами и сюда со всех сторон стекались казаки-лицари.

...Тогда все те, кто жил душой,
В ком сердце доблестное билось,
Кто гордый дух в душе таил,
Кто волю, как себя, любил —
Все в степи, к нам сюда укрылось...
...Все шли к нам в вольную сторонку...
Сюда собрал к свободе зов
Со всех границ и городов
По соколёнку, по орленку...

Шли годы...

На месте деревянной церкви казаки построили кирпичную. Так она в Войске и называлась — Старый Собор.

Старый Собор, началом своим имевший деревянную церковь на Кирсановском Урочище, явился, можно сказать, свидетелем всей истории Яицкого Казачьего Войска с древних времен и до наших дней.

О Старом Соборе казаки говорили с особой любовью: «Наш Старый Собор». ... Как говорят, в многочисленной семье о древнем заслуженном старце, прославившем свой род на долгие годы.

Несколько раз его штукатурили, но по каким-то неизвестным причинам штукатурка начинала быстро осыпаться и Старик стоял облупленный, обнаживший кирпичи, и в таком ветхом одеянии еще более милый казачьему сердцу, так любящему старину и древнее благолепие.

Казаки с восхищением говорили о нем:

— Ты смотри-ка, братец ты мой родимый, опять штукатурку не принял...

И это было как-бы символом души яицкого казака, упорно державшегося за старые права и обычаи, подозрительно, с опаской смотревшего на всякие нововведения и «прелести бесовские», откуда-бы они ни приходили: по линии-ли гражданской или церковной.

История Уральских казаков изобилует многочисленными эпизодами упорной борьбы с властями предрержавшими «за крест и бороду», за старинные права и привилегии.

Старый Собор был неммым свидетелем этих событий. В том, что Собор не принимал штукатурки, ему приписывалась особая мистическая сила, исходящая свыше.

Когда нас — пленных офицеров-уральцев — в апреле 1920 года гнали красные с Гурьева на Уральск, в одной из станиц старик из Уральска просил меня:

— Когда будешь в Уральске, поклонись от меня до земли нашему батюшке — Старому Собору...

В этих словах звучали такая тоска и любовь, что у меня невольно навертывались на глаза слезы, когда я вспоминал слова старого казака на всем 500 верстном пути.

В Пугачевщину, в Кремле, около Старого Собора, засели солдаты и казаки, верные Екатерине II. Яицкие казаки с Пугачевым несколько раз ходили «на Слом!», на деревянную крепостцу, но екатерининские солдаты храбро отбивали все атаки Горынычей.

Вот на эту-то площадь 21-го ноября и стекались со всех концов Уральские казаки, казачки, малолетки под сводами древнего храма. У чудотворной иконы Табынской Божьей Матери горячо молились простые верующие люди.

По окончании обедни под малиновый звоп самые почетные старики Войска выносили войсковые регалии: развернутое Войсково знамя с Архистратигом Михаилом, пожалованное войску Александром III, Георгиевское знамя и грамоту за 300-летнюю службу Войска, старые полковые знамена, участвовавшие во всех походах и сражениях Уральцев. Под стеклом несли остатки древнего знамени с Георгием Победоносцем, бывшее под Азовом при Петре Великом, несли клейноды, бунчуки, грамоты в ларцах, пернач, булаву, атаманские наски и другие войсковые регалии.

Наказной Атаман, с наскокой, в полной парадной форме, становился в центре неподалеку от аналоя. За ним становились чины Войскового штаба, Хозяйственного правления, депутаты Войскового Съезда, почетные старики с войсковыми регалиями. Полный бантист, известный на все Войско вахмистр Пастухов, кряжистый старик с широкой седой бородой, правая нога деревянная, становился с Войсковым знаменем около Наказного Атамана.

Начинался молебен «о даровании победы христолюбивому войнству», пели многолетие всему Уральскому Войску.

Широкие, седые бороды стариков, синего добротного сукна татарки, шаровары с малиновыми лампасами, безусые лица малолетков, ковровые, цветастые шали казачек, кадильный дым... Стройное пение возносилось к серому, хмурному небу.

Старики, с регалиями, казаки-георгиевские кавалеры по окончании молебна становились под войсковые знамена совместно с Наказным Атаманом.

Дежурный генерал, наиболее почетный и заслуженный в Войске начинал парад.

Раздавалась команда: «Церемониальному маршу... На взводную дистанцию... Шагом... арш!»

Войсковый хор трубачей играл марш. Шли казаки своеобразной походкой людей, привыкших больше ездить верхом, чем ходить. Держа равнение, стройно отбивала шаг пехота. И мерно в такт шагу колыхались штыки.

Потом Атаман обходил ряды стариков и казаков-георгиевских кавалеров, знакомился: откуда, какой станицы, где, в каком деле получены кресты и медали.

Помню, еще будучи мальчишкой, любил я смотреть на парад. Душа замирала и сердце учащенно начинало биться при звуках марша. Моя бабушка Александра Подмарева, старая казачка, поднимала меня на руки и, показывая на хор трубачей, говорила:

— Видишь крестного-то?

Мой крестный отец — Давыд Амосович Деревянов — играл «на самой большой трубе» — на басу. Я особенно гордился этим, что мой крестный играет «на самой большой трубе».

Усталые, но необычайно возбужденные, мы шли домой. Весь Уральск праздновал Войсковой Праздник.

Вечером в Хозяйственном правлении Наказной Атаман давал ужин для почетных гостей.

...Среди глинистых берегов правобережья гонит быструю волну кормилец Яikuшка-Горыныч, любовно воспетый своими сынами в песнях и сказаниях старины.

Золотое у Яikuшки
Его было доньшко,
Серебряны у Горыныча
Его были краешки...

На левую сторону выбрасывает Старик мелкую россыпь песков. Пробегая мимо древнего яицкого городка, мимо казачьих «Куреней», где некогда шумел Вольный Казачий Круг, отдает привет другому Старику — Собору Михаила Архистратига.

Но не весел Горыныч. Не шумит, как бывало, в день 21-го ноября старая площадь в «Куренях», не видать казацких лохматых папах с малиновым верхом, не шумят победные знамена, покрытые славой многих поколений Уральцев от атамана Нечая до последнего смертного похода через безводные, голые пустыни Закаспийской области.

Только между Гурьевом и фортом Александровским 14, 15, 16, 17 и 18 января 1920 года в стужу, вьюгу замерало 8000 Уральцев во время Великого Исхода с родной земли. 2000 Уральцев потребовали ампутации конечностей по прибытии в форт. Выше 3500 километров прошли Уральцы. От Сарайтика через форт Александровск, пустыню Усть-Урт, безжизненные Кара-Кумы, ... Басра, Мешхед, Тегеран, Месопотамия — Багдад, Бомбей, далекая, сказочная Индия — вот этапы Великого Исхода Уральцев, перед которым бледнеют прославленные путешествия Ливингстона и Стенли через Центральную Африку.

Бой за верблюда, за лошадь, за колодец, за жену, за детей, едущих в повозке, бой за жизнь, бой с туркменами, с киргизами, с красными... Итак на протяжении 2500 километров.

Больше двух лет сражалась маленькая 30 000 Уральская Отдельная Армия. Сделала все, что может сделать предельный человеческий героизм. Но сила соломой ломит. Русский мужик, обманутый комиссаром, сломил казака. И не столько — мужик, сколько тиф, болезнь, голод. Красный смерч развеял по лицу земли Горынычей.

Атаман Толстов с остатками Уральцев в далекой Австралии рубит сахарный тростник. Где только нет Уральцев? И в Америке, и в Германии, и на Балканах, и в Париже, и в Африке...

Опустели казачьи хутора и станицы. Вернувшиеся на Яик Уральцы погибли в ссылках на Севере, в Сибири, на Колыме...

Вот почему не весел Яик-Горыныч в день Войскового Праздника. Ждет сынов своих. Который уже год ждет...

Придут твои сыны, Старик... Придут...

Уралец

С гравюры Тимма (1843 г.)

В день Святого Михаила Архистратига — земной поклон и сердечный привет всем Уральцам в рассеянии сушим.

Выше головы, казаки! Побольше Веры и Твердости!

Пусть слышит наш кормилец седой Яик-Горыныч, что «есть еще порох в пороховницах, не ослабела казацкая сила».

Вечная слава почившим, мир и твердость живущим!

Мы еще вернемся...

Уралец

Уральцы в Праге в 1799 году

В 1799 году в составе Русской армии, под командой генералиссимуса Суворова, были Уральские казаки, которые при своем походе из России и обратно проходили через Прагу.

Вот что писали газеты того времени о Уральцах:

«Поход русских войск через Прагу начался 11 июля 1799 года. Проходил авангард одной из колонн Русской армии под командой генерал-лейтенанта Козлова».

«Уже между 4-5 часов утра можно было видеть на пражских улицах необыкновенное движение, потому что мы надеялись в 7 час. увидеть в Праге русские войска. Всем тем, кто рано встал пришлось очень долго ждать, потому что только в 2 часа после обеда появилась головная часть русской колонны. Впереди авангарда шел небольшой отряд кавалерии, а за ним уральский казачий полк под командой полковника Бородина».

Казаки своим боевым видом очень понравились пражским обывателям.

«От полковника до последнего рядового», говорит о Уральских казаках свидетель-корреспондент «Почтовой газеты», все решительно удивляют своим геройским видом. Их вид, их величественные бороды, их вооружение и снаряжение, приводили всех в ужас, и вместе с тем вызвали уважение. На их пике может поместиться целая дюжина французов, так они были длинны. На их ружьях прикреплены особенные подставки, которыми ружья подпираются при стрельбе и благодаря этому приспособлению, необычайно легко отправляют противника на тот свет. Их кони скачут как олени и отличаются необыкновенной выносливостью в походах. Между казаками мы видели и стариков с длинными седыми бородами».

Случайно корреспондент этой газеты видел русские войска во время их похода в Чехию, когда они проходили через Краков и почти этими же словами описывает Уральских казаков, их снаряжение, вооружение, их коней и т. д. Пишет о них, торопясь передать чехам свои впечатления, прежде чем русские придут в Прагу.

«Своим боевым видом возбуждают в каждом страшный ужас, так, вероятно, выглядели в давние времена орды

диких варваров». Даже находит, что цветом своих волос, бород, рыжих и русых, вполне походят на своих коней. Но с большим восхищением говорит о самом командире Уральского Казачьего полка:

«Их, полковника было бы можно показывать на Старо-городской площади. Это человек 40 лет, громадного роста — как правофланговый грендер. Сила и здоровье видны в каждом его движении, а его видная фигура слегка бросается в глаза. Его борода касается луки его седла, на груди его красуется крест, украшенный бриллиантами и самоцветными камнями. Конь под ним как бы летает в воздухе, а когда он несется по фронту своего полка, кажется, что видишь перед собою покорителя света — Тамерлана».

Иоан Ролик пишет: «изумляешься этим героям-славянам, ведь мы, чехи, с ними почти одного и того же языка. Чтобы посмотреть на них, сошлись в Праге, кроме пражского обывательства, много чужих и много знати приехало в Прагу. Было нам очень приятно и они обрадовались тому, что мы с ними и они с нами могли славянским языком договориться, а также то, что мы могли, смотря на их учение, на площади, около моста, слышать их команды в языке славянском и их понимать».

НА ЭТАПЕ

Из недавнего прошлого*

Большая светлая комната Канцелярии Казачьего этапа. Было около восьми часов вечера. Служебные часы закончены и на этапе задержались несколько казаков, прибывших из 1-ой Казачьей дивизии. Лейтенант З—ко из дивизии сообщил, что приехал для приглашения старых казаков 1-го полка на должности строевых атаманов.

— Господи! Да неужели же это правда? — сказал старый казачий полковник.

— Неужели же в самом деле придется послужить со своими родными казаками?!

— Да почему же нет? — вступил в разговор сидевший на скамье, донской войсковой старшина. — Пугали нас там, да не найдется у нас общего языка, да они иначе все понимают, а вот мы, эмигранты, иначе, а ничего подобного. Как есть мы из одного теста и сердце и мышление у нас одинаково. Вот сколько приезжало казаков из дивизии к нам в полк, повидаться со своими родными казаками или станцинками, встречались, так сердце радовалось, когда наблюдал эту встречу. Вот например: один кубанец оставил своего сынишку на Кубани пяти лет. Теперь этот, значит, молодой, какой молодой, — ему сейчас под тридцать, узнал, что отец в 1-ом Казачьем полку, и приехал. Тут у нас на этапе представился и попросил вызвать к телефону отца. Сам стоит и волнуется и телефонная трубка дрожит в руках. Вот отец заговорил, спрашивает:

— Кто у телефона?

А сын ему отвечает:

— Папа, это я, ваш сын Григорий, завтра приеду к вам в полк, только прошу вас, папа, не волнуйтесь... а у самого слезы на глазах, — слезы радости и счастья...

А вот другой случай: приехали два казака из дивизии, поехали в полк к нам и вернулись на этап. Спраши-

* Казачий этап в 1942 году состоял при первом казачьем полку Шуцкора в Сербии. Чины полка — казаки старой эмиграции, проживавшие до этой войны в Болгарии и бывш. Югославии.

Ролик — исторический календарь, часть III, стр. 201:

«Казаки, несмотря на свой грозный вид, внушающий страх и ужас, в действительности, по общему мнению всего обывательства, люди очень добродушны. Прошли Галицией 53 мили (371 км) и нигде на них не было жалоб. Спрятали свою злость на француза, замечает корреспондент, который вероятно слышал много сплетень о суровости и дикости казаков и никак не мог избавиться от этого предрассудка. Обывательство скоро имело случай удостовериться в добродушности и милосердии казаков. Одному казаку нужно было проехать пражской улицей, где было большое движение, пробираясь с большим трудом вперед, соскочил с коня, взял его за узду и вежливо прося прохожих уступить ему дорогу, пробирался по своему назначению».

«Пражская почтовая газета»:

В пятницу 22 ноября прошел нашим городом Уральский казачий полк, возвращаясь из похода в Россию. Казаки вели много заводных лошадей, которых мы не видели при первом его походе через Прагу с чего заключаем, что этот полк понес большие потери. Командир его полковник Бородин, о котором писали швейцарские газеты, что он погиб и вместе со своей женой, был здесь еще утром в сопровождении австрийских штаб-офицеров».

Перевел с чешского А. Масянов.

ваем, — ну как вам понравилось ли у нас в эмигрантском казачьем полку.

— Понравилось, — говорят.

— А что понравилось? — спрашиваю.

— Казачья выправка, — говорят. — На вид как будто старые, а в отношении службы — отчетливость видна и обращение чистое. Проехало их много, и все одного мышления, объединиться надо, у них силы и энергии много, а у нас опыта, сноровки. Да как же и не быть этой сноровке, когда большинство все старослужащие и виды видавшие.

— Сноровка — великая вещь, — сказал один из сидевших кубанцев. — Вот я вам расскажу такой случай. Приехал я в командование сотню. Пришли молодые казаки, разбили их по сотням и начали учить. На рубку у нас в полку было обращено большое внимание. Вот только стал я замечать, что один казак никак не может рубить. И конь у него как стрела идет на станок с лозой, и рубит он сильным ударом, а вот только как ударит по лозе, так пашка и скользнет. Что за чорт, думаю. Пропустил его еще раз, потом еще, ничего не выходит. Подзываю к себе, приказываю спешиться и взять пашку к рубке. Смотрю, а он держит большой палец на обухе пашки, до того момента пока рубит, а потом при самой рубке, палец сваливает и обхватывает рукоять пашки в кулак, вот тут-то и собака зарыта. Пока палец большой на обухе — он дает удару направление, а как только большой палец свалился, так и пашка сваливает то вправо, то влево. Вот она сноровка. Посадил снова казака на коня да приказал, чтобы он за большим зорко наблюдал, и пустил на лозу... Эффект такой получился, что и сам казак не ожидал... Лоза срубленная, да еще со звоном — как стояла, так вертикально и опустилась.

— Спасибо, — кричу, — молодчина!..

— Рад стараться, — отвечает. — Дозвольте еще раз заехать.

— Вали, — говорю.

Заехал еще раз, и еще раз снял на вершок ту же лозу. Вот вам сноровка.

— Сколько их в нашей долголетней службе было таких интересных случаев, — сказал стоявший у окна почтенный казачий полковник в форме ефрейтора Вермахта. — Помню, я командовал тоже сотней в Черноморском полку. И вот дело было тоже в рубке. Один казаченок молодой никак не попадет по лозе: или раньше опустит клинок или же проскачет. Да и вялость какая-то была заметна у него во время рубки, не любил он ее что ли, не могу сказать. Только один раз пришел ко мне на ученье вахмистр учебной команды, бывший урядник моей сотни. Увидел этого казаченка и говорит, этого учить нужно по иному, — он робкий, нету у него решимости. А ну, говорю, Воропеев, покажи, как нужно его учить. Слушаю, говорит. Подошел к молодому казаку и говорит, неприятеля, говорит, нельзя рубить с равнодушным сердцем, его надобно рассекать со злостью. Что ты скачешь на лозу, как ангел какой-то?.. Ничего не будет от этого. На нее, на лозу, нужно сердчать, сердчать, как на своего кровного врага или как на черкеса, который у тебя корову украл. Вынь пашку, подними, как должно при рубке, а теперь скачи, и сердчай, да сердчай натурально. Что ж вы думаете?.. Как хватит он коня плетью, как гикнет, да еще с протяжкой... Ги... и... ги, а как дошел до станка, как рубнул со злобой, да от сердца, так и результат сразу показался. Лозу на карьере рубить, это не чулки штопать. Сердчай на нее, вот и вся процедура. Вахмистр оказался прав.

— Да, вы правы, господа старые офицеры, — сказал

лейтенант З—ко из 1-ой Дивизии. — Сноровка во всем нужна. Опытность это то, чего нам не хватает. И что вы можете нам дать. Вот в старое доброе время всегда в русской армии на двух-трех молодых солдат назначали дядьку, — одного старослужащего. Как бы учителя и воспитателя. Тогда бы и не было таких случаев, что приезжают к вам наши казаки и первые протягивают руку старшим и даже господам офицерам. Конечно, в этом нет ничего унижительного, но не порядок. Руку подает всегда первым — старший.

Один из сидящих на этапе казачьих офицеров рассказывает такой случай. — Был я в кавалерийской школе. Начальником школы был в то время генерал Брусилов. Дежурными по школе назначались казачьи есаулы, а помощниками — кавалерийские офицеры. В один из дней был назначен есаул Х. Дежурный должен был быть в перчатках. Появляется в районе школы генерал Брусилов, дежурный, увидя его, идет ему навстречу, чтобы рапортовать, и по дороге снимает с правой руки перчатку. Генерал Брусилов заметил это, не в форме замечания, а скорее желая напомнить офицеру порядок, сказал: — что же вы перед рапортом снимаете перчатки, это неправильно.

Много, много, господа, в нашей службе можно вспомнить разных ошибок, и их помогут исправить в молодых казачьих частях старые казаки, у которых есть и опыт и сноровка. Дай Бог, чтобы нас собрали вместе, а кулаком, да еще и казачьим, легче бить нашего врага. Да и побьем.

Е. Тихоцкий.

КАЗАЧЬЯ СТАРШИНА

Справа налево: Начальник Штаба Гл. Управления Каз. Войск ген.-майор Краснов, Походный Атаман полк. Доманов и командир Н-го каз. полка полк. Вертепов

Мы куем кадры

Продолжение*)

Мы с обер-лейтенантом Божинским подошли к озеру и стали наблюдать, посмотрели по сторонам. В одной из сторон показалась лодка.

— Это кто же на лодке? — поинтересовался я, зная, что в школе лодок нет, а у французов брать лодки запрещено. Обер-лейтенант посмотрел еще раз на гладкую поверхность озера, улыбнулся:

— Это мой Остроушко... Вот, если еще не знаешь его...

— Как же не знать!

Обер-лейтенант стал рассказывать события последних дней, проведенных в лагере, в курсе которых я не был.

— Это первый номер пулемета...

— Это я знаю.

— Пулемет он знает. Даже, пожалуй, лучше других. Бесхитростный казак. Простота, одним словом. Когда приехали в лагерь, Остроушко Сема сразу на два дня пошел на конюшню...

— Добровольно, что ли?

— Наряд.

— Это за что же?

— Такие номера с ним частенько случаются. В лесу увидел французского парня из деревни Гумес, расположенной в 4-х килм., и ну стрелять.

— В француза?

— Еще бы не хватало! Вверх. Француз и так перепугался до смерти. На этот грех услышал выстрел начальник школы. Семена позвали к обер-лейтенанту Минцу. Остроушко с улыбкой так ответил:

— А это я, господин обер-лейтенант, хотел проверить храбрый француз или нет.

— А сам ты храбрый? — спрашивает начальник школы.

— Храбрый... Я ничего не боюсь, — спокойно говорит Семен.

— Два дня дневалить на конюшню.

— Есть.

Божинский продолжает:

— Приходит на второй день вечером и докладывает, что еще бы остался добровольно на третий день, но желает после двух суток поспать, так как предчувствует «вскорости» получить наряд.

— Так и взявляет?

— Да, так и говорит. Семен ушел. Смотрю я, не более часа прошло, а из палатки, где живет Остроушко, идет дым, как из паровоза. Дело было вечером... Обер-лейтенант опять засмеялся.

— Вы курите?... — снова продолжал Божинский.

— Нет, мы уже спали. А я не курящий. Спокойной ночи, господин обер-лейтенант. Вот поинтересовался я, встаю и иду. Смотрю, а мой Остроушко один. Вот тебе и «мы». Я и говорю:

— Один наряд. В палатке запрещено курить. А тебе вообще запрещено, так как нет еще восемнадцати лет.

— Слушаюсь. Подымает голову и спрашивает:

— Когда прикажете заступить?

— Сегодня...

— А дальше, что же с ним случилось? — интересуюсь я.

— Теперь дневалит он по сотне. Попало ему стоять с 2-х до 4-х часов ночи. На грех, откуда взялись свиньи. А ночь теплая была. Пакрапывал дождик. Тучи низко нависли над лесом. Жутко. Вот эти дикие твари и идут на него. Разворачивает Остроушко пулемет. Половину ленты выпустил. Пыскакивали мы... Тебя тогда не было, кажется, в город ездил. Вскочил я в одном белье и к нему:

— В чем дело? — спрашиваю его.

— Партизаны.

— Почему тревогу не делаешь?

После мне признался «Свиньи это». Правда, утром видели кровь. Видно дикую свинью подранил. Наступил день. Семен сменился и ушел километра за два рыбу ловить.

— Поймал?

— Нет, послушайте дальше. Пришел он к шлюзу. На первом шлюзе стояла маленькая лесопилка.

— Что же он сделал?

— А вот что. Спустил шлюз, а когда воды стало мало, целую палатку рыбы набрал и пришел в лагерь, а следом за ним прибежал франсе-мусье. Трое суток дал ему тогда начальник школы. Однако перед французом его скрыли.

Обер-лейтенант стал звать юного казака. «У Остроушко — что ни шаг, то приключение», подумал я.

— О-стро-у-шко!

— Остро-у-шко!

Несколько раз повторил сотенный. Юный казак Остроушко стал направлять лодку к берегу. Не прошло и пяти минут, как лодка врезалась в песчаный берег.

Обер-лейтенант спрашивает:

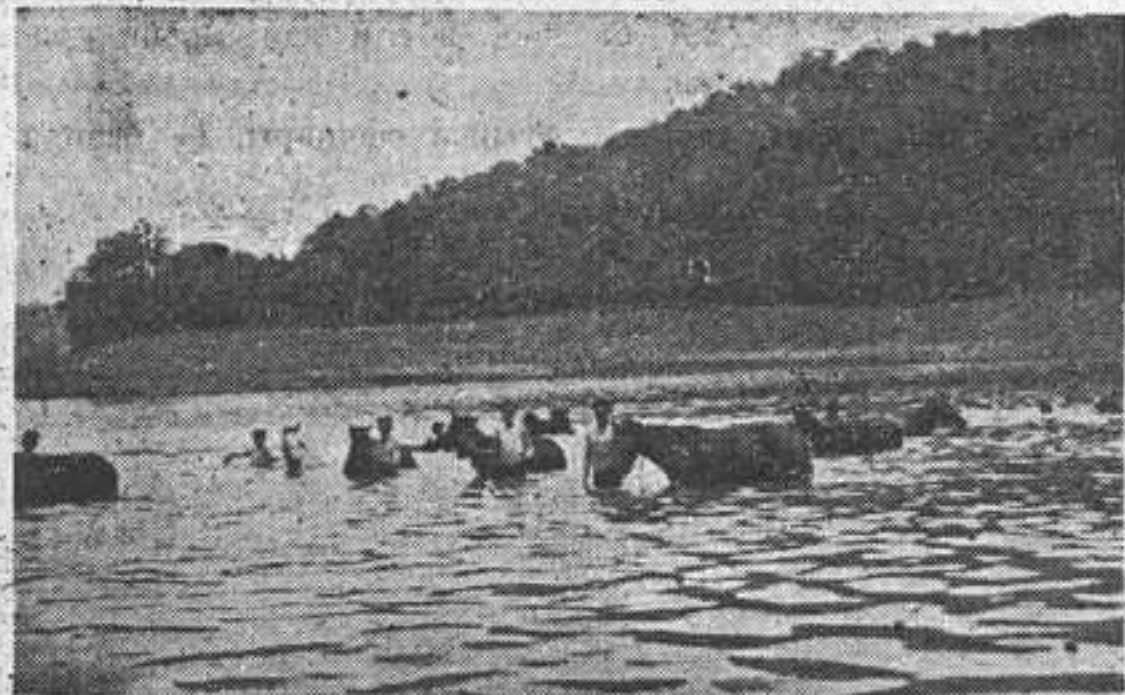
— Кто разрешил брать лодку? Снова мусье прибежит с жалобой.

— А сам!

— Один наряд на конюшню.

— Слушаюсь. Остроушко попросил разрешения «речу сказать». Вот он и говорит:

— Господин обер-лейтенант, я сегодня добровольно дежу-

Юные казаки купают лошадей

рю. Я люблю лошадей. Зачитайте мне. Командир сотни рассмеялся:

— Нет! Нет!

Иду я к обер-лейтенанту в расположение лагеря, Божинский продолжает рассказывать:

— Вот как то на днях Остроушко обратился ко мне:

— Господин оберлейтенант, я люблю лошадей.

— Правда?

— Да! — Утром я пришел на конюшню, а моему Остроушко оберлейтенант Рожков замечание делает.

Рожков говорит:

— Эх ты, разве так делают. Лучше уж бери драгунское седло, на казачьем у тебя ж... толстая. Выехали мои кавалеристы-джигиты, выехали они на плац. Рожков сделал наставления... Пошли на барьер. Прыг-прыг. Запрыгал у самого барьера конь, на котором сидел Остроушко. В результате упал Сема.

— Садись! — кричу я. А он растерялся и не сядет.

— Прыжок... Прыжок делай! — С трудом сел. Я заинтересовался не на шутку.

Божинский продолжает:

— Вечером снова пришел ко мне. Характер у него замечательный. «Простота — поэзия жизни».

— А вы знаете, — обращается ко мне Божинский, — я, ведь, его больше других юных казаков люблю. В нем есть то, чего нет у других. Это настоящий легендарный Кузьма Крючков. Тихий, скромный и в то же время отчаянный, на-

*) См. № 38 «На Каз. о-Псту».

ходчивый. Главное — бесстрашный. Весь открытый. Вот он мне говорит:

— Сегодня я «чистый», не в наряде. Признаться, а коня я своего «Федьку» лучше всех люблю. Вот умный он у меня. Как позову я его, так и ждет он. Я ему хлеба даю, корок.

Рожков выглядывает в это время из палатки:

— А-а, Остроушко, седло и коня чистил сегодня?

— Нет.

— Завтра в наряд на конюшню. Сутки дивалить будешь и целый день коня своего «Федьку» дранть будешь...

— Слушаюсь.

— Божинский окончил:

— Все же хороший казак. Ему всего 18 лет. Подрастет, серьезней станет. Вот сегодня интересно утром было. Встал он раньше других юных казаков. Сотня идет умываться, а он уже умылся.

— Господин оберлейтенант, обращается он ко мне, — я сам сделаю зарядку.

— Давай! — смеюсь я. Три круга пробежал он, раньше всех позавтракал, прямо с молитвы ко мне:

— Господин оберлейтенант, долго ожидать до построения, я пойду на конюшню ранее других, без строя. Я люблю «Федьку». Вот хлеба ему понесу, моркови. Надо его почистить, а то вчера позабыл.

Портрет Семена Остроушко совсем простой: рослый казак, рождения 1928 года, уроженец станицы О..., кубанец. Казак по рождению, воин по природе, храбрый в отца, безхитростный в деда, находчивый по необходимости, брови и губы широкие, нос толстый, глаза светло-серые, как вода в светлом озере, волосы белые и длинные. Они у него не густые, отчего всегда прилегают на голове прескверно, видно, что они ему не мало хлопот причиняют, поэтому он вовсе решил их не зачесывать. Пилотка их придавливала, и не прикрывала полностью — на правой стороне они хохлились, напоминая донской казачий чуб.

Я повернул и пошел в расположение второй сотни. Снова раздалась песня. И чем ближе к лагерю подходили сотни, тем сильнее неслась песня по просторам гористой местности, поросшей лесом. Она, словно колокол звенела и дрожала в голубом просторе. Прылатой песней неслась она в голубую высь, подымаясь выше орла степного, летела далеко-далеко за горизонт, навстречу крылатому ветру, чтоб победить его силой своего напева, заставить стихнуть и повернуться в обратный путь. Она неслась быстрее туч. Я слышал такие слова этой песни:

И грустит, грустит Татьяна

И подолгу смотрит из окна.

Подхватывает сотня и смелее раздаются слова песни:

Не звенят во поле, как бывало,

Звонкие казачьи стремена...

Обед. Сотни юных казаков распустили. С раздурманенными и запотелыми лицами отправились они к своим палаткам. Я еще издали увидел Худикова. Он стоит у знамени при полном боевом по команде смирно. Подхожу ближе и устремляю свой взгляд на Худикова. Я замечаю, как у него наливаются глазки слезами, краснеют щеки.

— Это за что же? — спрашиваю я у лейтенанта Мукасева.

— Ругается... Пусть минут тридцать постоит, будет знать, как ругаться в другой раз.

XI.

Обед уже старый казак «Есаул» получил. Кушая мясной суп, я слушаю разговор в соседней палатке. «Инкубатор» развеселился. Журавченко задает вопрос Лутченко:

— Расшифруй, братушка, что такое «Торгсин».

— Я и слово такое не знаю. Это откуда ты вычитал?

— Может, это фамилия? — спрашивает Вниченко.

— Нет, это сокращенное слово... «Торгсин» — это означает — трудящиеся, опомнитесь, Россия гибнет, Сталин измучил народ...

— А что такое «трест»? — спрашивает Лукутцов. Журавченко молчит. Лукутцов чувствует себя победителем. Он с самодовольной улыбкой объясняет:

— «Трест» — это означает Троицкий разрешил евреям свободную торговлю.

Разговор продолжался...

Вот она простота. И мы еще раз припомним слова Золинского «Простота — поэзия жизни».

Окончив обед, я не мог заснуть. Сотни еще не строились на купанье. Я взял в карман полотенце и ранее других отправился на несчастья берег озера. Жара не спадала.

(Продолжение следует)

В. НИКОНОВ.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

Родным кубанцам,

Недолго, родные осталось нам
Сидеть здесь на чуждых Балканах,
На Дрине широкой стоять по постам
И мерзнуть в снегах и туманах!

Уж полночь прошла и восходит заря
Далеко над спящей станицей...
И к красным тиранам мы, мщеньем горя,
Помчимся все грозною птицей.

Пройдет непогода, умчится печаль,
А поле знакомо нам брани,
И взмывши орлами в лазурную даль,
Мы вмиг долетим до Кубани!

П. Приморский

В первой казачьей

Очерк четвертый

Приказ: «Ударить по партизанам!»

Во дворе штаба полка стоят группами командиры, вызванные со всех сотен. «Батяка» о чем-то собирается говорить... Что-нибудь важное, — иначе не вызывал бы всех. У большинства казачьих и немецких офицеров алый донской лампас. Немцы так же охотно носят казачий лампас, как и природные казаки.

Знакомлюсь. Возраст средний, большинство же молодые от 24-х до 28 лет и выше. Крепкий, бывалый народ. Чувствуется спокойная уверенность без ненужной рисовки и внешней фальши, что вырабатывается только боевой жизнью. Здесь каждый знает друг друга. В каких тисках и переплетах не приходилось бывать? Скольким боснийских, балканских гор облазили...

Одно время 5-й Донской ушел в Боснию и пропал... Ни слуху, ни духу. Пемецкое командование уже стало подумывать: «Попап в засаду... Разбили...» Через некоторое время вынырнул. Были потери, но небольшие.

Дружная семья. Самое главное: офицеры верят казакам, казаки — офицерам. Уж если пошли, то значит пошли... Назад не оглядываются. Каждый на своем месте и каждый делает свое дело.

Майор Борисов, к-р 2-го дивизиона, 29 августа окруженный партизанами под деревней Бектеже в Хорватии, 4 часа выдерживал атаки партизан. Три казачьих сотни против 2000 партизан. Партизаны зашли с тыла, положение было критическое, но Борисов знал: «Ребята не выдадут... Выручат...»

И ребята выручили. 1-ая сотня хорунжего Орлова и 2-ая — хор. Григорьева «пошли на выстрелы» прямо во фланг титовцам. Эффект был исключительный: казаки потеряли 9 человек, партизаны — свыше 300 — по словам жителей.

Чувство взаимной выручки здесь развито прекрасно. Старый суворовский завет: «Сам погибай, а товарища выручай», чтится свято.

Присматриваюсь к одному донцу хорунжему. Своими пшеничными волосами он напоминает мне Петра Мелехова из «Тихого Дона», только тот жевал ус, а у этого усов нет, — бредит.

Знакомое лицо — майор зубанец Захаров. Вместе сидели и формировались в Шепетовке. На нем казачья, алая фуражка и такие же лампасы. Вспоминаем прошлое: незабываемые картинки лагерной жизни в Миллерово, Дарнице, Шепетовке, знакомых лиц, товарищей по прошлому.

Как будто все было вчера, а уже третий год пошел. — Ну как — видали Ивана Андреевича Черкасова, сотника Симонова?...

— Ну а что с подполковником Макарычевым, полковником Ивлевым?... А помните майора Хачатуряна?... Командира 2-го Гвардейского полка в Сарнах Яковлева?... А знаете ли, что случилось с сотником Аржановским?...

И невольно приходят на память строки Николая Васильевича Гоголя, сцена когда Тарас Бульба приезжает в Запорожскую Сечь и встречается со старыми казаками. «А между тем в цароде стали попадаться и степенные, уваженные по заслугам всею Сечью седые, старые чубы бывавшие не раз старшинами. Тарас скоро встретил множество знакомых лиц. Остап и Андрей слышали только приветствия: «А это ты, Печерица!» — «Здравствуй, Козолуп!» — «Откуда Бог несет тебя, Тарас?» — «Ты как сюда зашел, Долово?» — «Здорово, Кирдяга!» — «Здорово, Густый!» — «Думал ли я тебя видеть, Ремень?» И витязи, собравшиеся со всего разгульного мира восточной России, целовались взаимно, и тут понеслись вопросы: «А что Касьян? Что Бородавка? Что Колопер? Что Пидсышок?» И слышал только в ответ Тарас Бульба, что Бородавка повешен в Толопане, что с Колопера содрали кожу под Кизикирмедем, что Пидсышкова голова посолена в бочке и отправлена в самый Царьград. Понурил голову старый Бульба и раздумчиво говорил: «Добрые были казаки!»

Постояли, вспомнили и мы с майором Захаровым знакомых и нашли, что кое-кто не выдержал испытаний боевой жизни, переметнулся на сторону врага, изменил казачеству, а кое-кто и сложил голову в борьбе за Казачий Путь за наше будущее.

И как водится в таких случаях, постояли, помолчали, каждый про себя вспомнил погибших, а вслух сказали: «Да... Ничего не поделаешь — война...»

Бывают минуты, где слова излишни, понятно и без них.

Во двор быстро вошел полковник Кононов. Окинул взором собравшихся:

— Все?...

— Так точно, за исключением дежурных, — доложил помощник майор Захаров.

— Заходите, господа офицеры... — Кононов заметил меня. — Желаете присутствовать на совещании? Пожалуйста, заходите... Срочно получил приказ от к-ра бригады.

Небольшая комната едва могла вместить вошедших командиров. Казалось, вся эта загорелая, здоровая братия нажмет на стены и хорватское жилище рассыпется по кирпичику.

Полковник Кононов сел за стол, разложил карту. Граф Риттберг — его помощник — сел на кровать с переводчиком доктором Б...

Кононов, высоко подняв брови, внимательно обвел выпуклыми глазами присутствующих.

— По сведениям нашей разведки части 28-ой партизанской бригады группируются в районе Кутьево. Получен приказ из Штаба бригады предупредить партизан и в свою очередь сделать короткий удар на Кутьево. В операцию выступает весь полк. Здесь от каждого эскадрона остаются по взводу. Вы, мой дорогой (в сторону майора Захарова), остаетесь в Грабарье. Вместе с нами выступает артиллерия и санитарная часть во главе с врачом Галишевским.

Теперь слушайте диспозицию, порядок движения эскадронов, батарей, санитарной части. Слушайте внимательно, записывайте: кто за кем идет. К трем часам ночи собираемся у костела. В 3.30 выступаем по направлению на Кутьево, идем не по прямой дороге, а стороной, в обход, — на дороге у них посты...

Кононов читает диспозицию.

Мелькают названия хорватских деревень: Митровицы, Подгорицы, Высотки. Все внимательно рассматривают путь следования полка по карте.

Карта на немецком языке. Я видал на немецком языке карты Кавказа, всей Волги, Заволжья; видно, что Штаб Германской армии не спал годы предшествующие войне, а работал... И довольно продуктивно.

Доктор Б... быстро переводит капитану, графу Риттбергу. Да граф и сам уже многое понимает.

Первый дивизион есаула Мачулина охватывает Кутьево с правого фланга, 2-ой дивизион майора Борисова держит направление по динограднику, на высоту, где расположен полуразрушенный, кирпичный домик.

— Вы там все записываете? А то сейчас спрашивать буду...

Полковник Кононов отрывается от карты и внимательно проверяет всех.

— А как же?... Все записываем... — отвечает за всех есаул Мачулин.

— Всем понятно?

— Дорога известная... Сколько раз ходили по ней...

Кононов проверяет каждого: правильно ли поняли диспозицию. Ответы удовлетворительные.

— А теперь, господа офицеры, идите к своим частям и подготовьтесь. Да там у меня побольше болтайте с жителями, чтобы партизаны успели подготовиться и встретить нас... Понятно?

— Все ясно...

— Еще дополнение: офицерские погоны снять, одеться попроще, на левый рукав надеть белую повязку, чтобы иметь отличие от партизан и не пострелять друг друга.

Командиры, обсуждая диспозицию, выходят из хаты.

Я решил пойти в операцию совместно с полком, чтобы иметь возможность видеть жизнь полка во всех ее проявлениях. Полковник Кононов распоряжается взять меня с санитарной частью на подводу.

Вечером, когда я видел у Кононова, пришел хорунжий, ходивший в разведку.

— Разрешите доложить, господин полковник.

— Давай... Ну что там видел?

— Ходили под кирпичный завод. На заводе были партизаны. Подошли к заводу, я оставил казаков сзади, сам пошел по кустам вперед. Вижу на заводе партизаны ходят. Я залез в ямку, стал наблюдать. Партизаны меня не видят. Тогда я поднялся и встал у ямки. И партизаны встали. Те, что на заводе — заволновались, забегали. Постояли, посмотрели один

В учебной команде — урок артиллерии

В шорной мастерской Н-го каз. полка

на другого, я пошел к казакам, а партизаны остались на заводе.

— Ну хорошо, родной мой, иди...

Немного поговорили о казачьих делах. Я тоже пошел домой.

Ужинали при свете огарка. Ломаные тени плясали на стене.

Во дворе, прямо на траве постелили постель. Неподалеку лошади смачно жевали траву и, время от времени, тяжело выдыхали.

Взошла луна. Я смотрел на луну и думал о странностях человеческого пути. Думал ли я когда-либо попасть в пыльную хорватскую деревушку Грабарье, а, вот попал. Вспомнилась семья: что с ними, живы ли они, или нет? Может быть ко-

стлявая рука голода их задушила? А может быть... Эх, да лучше не думать. Помочь не сможешь, а душевные раны разбередишь. И не думать нельзя...

По улице шли казаки. Вели лошадей на водопой. Во дворах поблизости слышался их говор.

Неподалеку от меня, разбросав руки и ноги, спал сотник. Его нос и гортань выделяли замысловатые рулады. В своем искусстве сотник мог бы соперничать с полковым оркестром. Сегодня за обедом и после обеда он «зело презрительно тюкнул»...

Мысли перешли на предстоящую операцию и я незаметно заснул.

(Продолжение следует).

А. Яганов.

МОЙ КРАЙ

Люблю тебя, мой край родной,
Мужскою, зрелую любовью;
Навек привязан я душой
К степному, вольному раздолью.

Родных степей полынный запах
И голубень донского стремя...
Подкралась ночь на мягких лапах,
Разсыпав звездное беремья...

В бездонной неба глубине
Сияет синим светом Вега.
Она напоминает мне
Про удаль дедовских набегов.

Стоят курганы в тишине,
Своих бровей ковыль нахмурив;
Под ними спят в безмолвном сне, —
Кто по степям летал как буря.

В туманной мгле столетних снов
Я слышу грохот славы звонкой,
Я вижу подвиги отцов,
Я верю в подвиги потомков.

С высоко поднятой главой —
В глазах сияние восторга —
Я вижу, как ведет на бой
Своих донцов святой Георгий.

Андрей Ф.

О л я

Повесть
Продолжение*)

Вблизи «холодильника», послышались шаги приближавшегося к ее дверям человека и оклик часовой:

— Стой! Пропуск! —

— Штык! — послышался ответ того самого полит-капитана, который бросил ее, четверть часа тому назад, в эту яму.

— А-а, это вы, товарищ капитан? — вежливо переспросил его часовой.

— Так точно, собственной персоной — отвечал зам-командира по политчасти — тебе известно, что изменников и в особенности таких типов, как эта молодая крыса, оставлять надолго нельзя. Хочу поскорей покончить с ней, да и спать пойдем, а ты уже скоро и ночь пройдет...

*) См. №№ 37 и 38 «На Каз. Посту»

Дверь в землянку приоткрылась и у входа, в полутьме, показался силуэт знакомого — Оле политкапитана, в шинели, с полевой сумкой через плечо и с электрическим фонариком в руке, которым он, едва вошел, сразу же осветил, лежавшую на полу, связанную девушку.

— Ну, как? Как гордая пташка, приятно здесь почивать? — насмешливым тоном спросил бандитский капитан. — Надеюсь спесь твоя исчезла и ты уже поумнела?

Оля ничего не отвечала.

Постояв с минуту, капитан, закрыв за собою дверь, подошел ближе к своей жертве и, вперив свой взор на оголенные ноги девушки, с улыбкой, но серьезным тоном заговорил:

— Слушай, казачка! Ты отлично сама знаешь, что я с тобой сейчас что захочу, то и сделаю. Приказ о расстреле уже

готов и мы сегодня же должны тебя обязательно расстрелять. Но я не хочу этого, и если ты не глупая девушка и будешь серьезно слушать меня, то сможешь сохранить себе жизнь, несмотря на то, что ты виновна по всем статьям нашего закона военного времени. Пойми, что я и только один я, могу изменить твою участь, на одних пустяковых условиях, на которые ты сейчас же должна согласиться. Я, мог бы, конечно, и так... но, ты должна сама согласиться...

Он провел прожектором фонарика по всей ее фигуре и, улыбувшись присел к ней еще ближе.

— Что, что вы хотите от меня? — дрожащим от злости голосом воскликнула Оля.

— То, что и все хотят. Пустяки! — отвечал бандит. — Я хочу самой обыкновенной вещи. Один миг твоей покорности и ты будешь свободна. — и он нахально стал щупать ее груди.

Оля, дрожа от гнева, откатившись, прижалась к стенке, вначале она хотела харкнуть ему в лицо, кусать руки этого садиста, кричать, но лишена возможности противодействовать в таком положении, она решила действовать хитростью, сделав вид малосопротивляющейся девушки и надеясь еще на одну, почти несбыточную, вещь.

— Развяжите! — видя себя беспомощной, тихо сказала она.

Бандит, поняв ее просьбу, как знак полного согласия, сразу же развязал ей руки, ноги и с улыбкой распахнул свою шинель, надеясь на исполнение своих мерзких намерений.

Но Оля и не помышляла спасать себя подобным падением. Она знала, что все равно ее не пощадят, а главное и не думала запятнать свое имя подобным позором и решила бороться до последнего момента. Почувствовав себя свободной от связывающих ее веревочек, она вскочила на ноги и, прислонившись к стенке, приготовилась в любую секунду броситься на смертельную борьбу с этим извергом. Ее противник, стоявший сейчас перед ней, был настолько низкого роста, что даже казался ниже ее. Это придавало Оле еще больше смелости и энергии.

Бандитский капитан, приблизившись, обхватил ее стан руками и слабо прижимая к стене, делал намерения легко повалить ее.

— Не бойся, глупенькая! — говорил он. — Пять минут покорности и все в порядке. Минутку спокойствия!

Оля одной рукой делая вид, что слабо защищается, а другой, якобы обнимая капитана, в то же время нащупав висевшую сбоку его кобуру, расстегнула ее и, когда капитан случайно запутался ногами в веревке, которой она была связана, и наклонился, она выхватила наган. В тот же момент, рванувшись от стенки, скользнула за его спину и с наимоверной силой и ловкостью, схватив его сзади, рывком бросила об землю. Капитан не ожидая этого, грохнулся со всех четырех и распластался на полу, как лягушка. Не успел он сообразить о действиях девушки, как Оля, не теряя ни секунды, в тот же миг нажала курок нагана, направленного в упор на капитана и разрядила в него весь заряд. Бандит даже не пикнул, так и остался лежать на полу, без движения.

Хотя в эту земляную дыру дверь была и закрыта, но часовой несомненно мог слышать эти выстрелы, однако ему, вероятно, подобное приходилось слышать не первый раз и знать еще и ранее о расправе своего начальника в этом «холодильнике» с беззащитными жертвами. Поэтому, не обращая внимания на хлопок револьверного выстрела, он спокойно продолжал ходить взад и вперед около землянки, зная, что там находится одна связанная девушка и «герой-командир».

Сама еще не веря, в то, что ей удалось так быстро и ловко покончить со своим главным врагом, Оля стояла в нерешительности, не зная, что же дальше делать. В момент отчаянной борьбы, она забыла все и не чувствовала никакого страха. Тогда она руководствовалась не соображениями, а каким то неведомым ей инстинктивным указанием, но сейчас ей стало страшно от всего происшедшего. Оля отлично знала, что теперь ее растерзают на куски. Около минуты она ждала, что вот вот сейчас сюда ворвутся сторожевые псы этого догонища, обнаружат убитого здесь своего начальника и в один миг ее не станет, да еще и гнусно надругаются над ней. Она попрежнему стояла на одном и том же месте, не выпуская из рук нагана, но зная, что спасения нет.

«Нет! Этого не будет, живой меня им не видать! Если посмеются, так только над моим трупом! Все равно, все конечно! Прощай родимая Кубань, прощай все!» — шептала в отчаянии Оля. Перекрестилась закрыв глаза, она приложила дуло нагана к своему виску и нажала курок.

Однако выстрела не последовало. Она забыла, что при расправе с капитаном был расходован весь заряд. Стреляя в него, в страшном волнении, ведь она продолжала нажимать курок еще и после того, когда в барабана нагана уже не оста-

вало ни одного патрона. Она со злостью швырнула на пол эту губительную, вернее спасительную, машинку и стала под стеньку у самых дверей, ежесекундно ожидая появления гонцов за ее молодой жизнью от бродивших вокруг в маске человека страшных лесных зверей. Но прошла минута, две, все было тихо и никто не входил.

Волнение и безразличие к жизни стали проходить и ей теперь сильно захотелось жить и жить. Хотелось еще хотя раз взглянуть на мир и на людей.

«Господи, как спасти себя, где же Та всемогущая сила, помоги мне!» — молитвенно шептала Оля, обращаясь за помощью к Всевышнему.

Вдруг ее осенила мысль, почти фантастическая и безнадежно рискованная, но в таком положении человек ведь хватается за все. Она решила попытаться еще раз на сказочное избавление от этой гибели.

«Хоть паян, хоть пропал, все равно, а риск благородное дело» — почти вслух проговорила Оля и приступила к действиям.

В течение не более двух минут, она стянула с бездыханного орденоносного бандита шинель, сапоги, фуражку и быстро все напялила на себя. Затем подтянулась его ремнем, повесила через плечо его полевую сумку и ровной походкой смело вышла наружу, направляясь сразу же под тепь деревьев. Заря уже занималась, но было еще темно.

— Ну что, как? С ней уже все кончено, товарищ капитан? — спросил ее часовой, находясь на своем посту, метрах в десяти от дверей землянки.

— Оля кивнула головой.

— Там теперь никого больше нет? Мне можно идти спать?

— Оля опять молча кивнула головой и прошла мимо него не останавливаясь. Часовой козырнул ей, она ответила ему тем же и они разошлись в разные стороны.

Шагая дальше в чащу густых берез, Оля заметила там привязанных к стволам деревьев коней, из которых два были под седлом.

Недолго думая, она отвязала одного оседланного коня и с ловкостью присущей многим кубанским казачкам, вскочила верхом и шагом поехала в сторону по еле заметной тропинке, каждый миг ожидая, что сейчас же они спохватятся и нагонят ее. Только она хотела прищипорить коня рысью, как вдруг впереди нее, словно как из-под земли выросла фигура солдата с автоматом в руках. Остановившись метрах в двух от нее он загородил путь и негромко крикнул:

— Стой! Пропуск?

— «Штык» не растерявшись, басом сразу же ответила Оля, вспомнив это слово, сказанное капитаном часовому, стоявшему у ее землянки, когда он приближался к ее «холодильнику». Оля, настолько импровизировала мужской голос, что часовой ничуть не подозревая фальши, слыша правильный пропуск и видя на ней одежду командного состава, отошел в сторону и пропустил ее вперед.

Отъехав от постового метров на пятьдесят, Оля здесь почувствовала себя совершенно свободной и, прищипорив коня, пригибаясь под ветвями склонившихся над тропинкой деревьев, помчалась, спеша поскорее удалиться от этого страшного места. Через километр этого пути, густой лес кончился и она выехала почти на чистую поляну, лишь местами покрытую небольшими квадратиками чернеющего леса. Поднялся серпик луны и теперь она уже могла ориентироваться и знать в какой стороне находится село Лесничь.

Прищипорив коня, Оля во весь дух помчалась в намеченном ей направлении. Минут десять без перерыва мчалась она галопом по незнакомой ей местности, но зная, что в знакомую сторону. Затем она остановилась, осмотрелась и прислушалась. Светало. Недалеко в стороне до ее слуха донеслось пение петухов. «Значит, село близко», решила она и повернув коня, поехала в ту сторону, откуда доносилось кукареканье петухов. Подстегнув коня, она опять понеслась галопом. Носки ее сапог плохо держались в стремях, часто выскальзывали оттуда и она еле держалась в седле, едва не выскакивая с него. Однако коня она ничуть не сдерживала, а наоборот все время подстегивала его каблучками сапог.

Неожиданно на ее пути, оказался глубокий ров и конь, подскочив, резко повернул в сторону. Не предвидя такой внезапной остановки, Оля не смогла удержаться и вылетела из седла. Перелетев через голову коня, она тяжело грохнулась на землю на другой стороне рва.

Падение было настолько сильным, что она временно потеряла сознание и оставалась лежать без движения.

Конь, очутившись без седока, отбежал в сторону и спокойно начал щипать траву.

VI

За это время, в течение которого Оля, выехав из села Берестово, заблудилась, попала в логовище бандитов и почти

сказочным образом вырвалась оттуда — в селе Лесничих произошло следующее.

Как уже известно, после донесения Оли о нападении бандитов на ее село, сотня казаков сейчас же помчалась туда на выручку своих товарищей.

Не доезжая до села примерно около километра, казаки свернули в сторону от дороги и остановились. Три их разведчика, посланные вперед подесаулом, подехав ближе к селу, спешили, привязали у дерева коней и затем пригнувшись между кустарниками и ползком, добрались до самой дороги, находящейся у крайних изб села. Увидев там очень важное для них движение по дороге, они сейчас же возвратились к сотне с донесением.

— Господин подесаул! — едва доскакав к сотне казаков, крикнул старший разведчик. — Небольшая колонна людей движется от села по дороге к лесу! Первая группа, связанная между собой веревкой, идет впереди, а позади них человек тридцать вооруженных солдат, вероятно, партизан. По моему, это кажется наших хлопцев ведут на расстрел...

— Где? — нетерпеливо перебивая его спросил подесаул.

— Вон там, недалеко отсюда, в той стороне! — указывая жестом руки отвечал разведчик.

— Давай быстро вперед, показывай нам это место!

Проехав метров двести в направлении, указанном разведчиком, сотня спешила и подесаул, захватив с собой человек 30 казаков, поспешил перерезать дорогу, по которой бандиты должны вести связанных казаков и пешим порядком, незаметно пробравшись между кустарниками, подошел со своим маленьким отрядом вплотную к дороге. У самой обочины дороги, они залегли за кустами, замаскировались зелеными ветвями и, направив винтовки в сторону, откуда ожидалось появление партизан, стали ждать.

Вскоре к ним стала приближаться колонна людей, направлявшаяся по дороге от села Лесничих. При приближении все идущие были опознаны. Впереди шло трое партизан, держа винтовки в боевой готовности, за ними, со связанными за спиной руками и соединенные между собой одной длинной веревкой, шло пятнадцать казаков, захваченных врасплох бандитами. Следом, метрах в пяти позади этих обреченных казаков, шло человек тридцать бандитов.

Почему затянулась расправа над захваченными до сего времени, было непонятно.

Увидев это шествие лежавшие в кустах казаки, сжав сильнее в руках оружие и затаив дыхание, с нетерпением ждали команды подесаула.

Выйдя на безлесную, покрытую лишь мелким кустарником местность в непосредственной близости к пригнанным в кустах кубанцам, это шествие остановилось. Вероятно, в этом месте была предназначена расправа.

По цепи залегших в кустах казаков, шепотом передан приказ подесаула: «Внимание. Пять левофланговых прицел по передним трем, остальные прицел по задней группе бандитов. Приготовиться». Вся эта, почти неслышная команда, была немедленно выполнена. Приняв боевую готовность и избрав себе каждый свою мишень, притаившиеся в кустах казаки, казалось в этот момент прекратили дыхание, вслушиваясь лишь в усилившийся такт собственного сердца.

Три бандита, шедшие впереди, отошли в сторону. От последнего ряда партизан отделился один, вероятно командир, и подняв вверх руку, тоненьким голосом закричал:

— Внимание! По врагам революции и изменникам социалистической род...

— Огонь! — раздалась в этот момент команда подесаула.

Из-за кустов грянул залп и бандитский отряд, на секунду опоздав дать свой выстрел, был наполовину скошен огнем казаков. Остальная часть бандитского отряда, не ожидая такого внезапного нападения, в панике бросилась разбежаться, но в этот момент, выскочившие из засады казаки не дали уйти никому из них, пулей и шашкой уничтожив всех до одного.

Этот залп и одиночные выстрелы и слышала Оля, когда ехала из Берестово в Лесничих; благодаря чему она повернула в сторону, заблудилась и попала во вражеский стан, выбравшись оттуда благодаря своей исключительной находчивости.

Остолбенев от радости, пятнадцать прощавшихся с жизнью связанных казаков пришли в себя только тогда, когда их развязали и стали пожимать руки. Секунду перед этим, они считали себя уже мертвыми и такое внезапное спасение восприняли, как небесное послание. Казаки чуть не плакали от радости и волнения и в восторге обнимали и целовали своих избавителей.

В разведке

— Не нас надо благодарить, — сказал им командир сотни, — мы только исполнили свой служебный долг. Не будь у нас такой юной героини, какой является ваша молодая землячка, вас в эту минуту безусловно не было бы уже в живых.

— Какая землячка? Неужели наша Оля спасла нас? — хором спросило несколько казаков, сразу догадавшись о ком идет речь.

— Да, именно Оля! И это она нас и послала сюда. Однако, об этом после наговоримся, а сейчас все соединимся и марш на село!

Вместе со спасенными товарищами, возвратившись к спешенным казакам, оставленным у опушки леса и соединившись с ними, вся казачья сотня, окружив село, к рассвету закончила ликвидацию всего бандитского отряда, ворвавшегося ночью в мирное село Лесничих. Там еще горело несколько домов; которые были быстро потушены. Возле дома сельского старосты была обнаружена его жена, лежавшая у порога, раздетая до гола и исколотая штыками. Губы ее были искусаны, в правой руке зажат пучок чужих волос. Видно было, что она долго и отчаянно боролась с насильниками. Соседи, собравшись к ее дому, начали искать ее детей, но нигде не могли обнаружить, по всей вероятности детей бросили партизаны в подожженный дом, где они и сторели. Такие «подвиги» лесных бандитов были не новыми.

Когда казаков захватили бандиты в селе и вывели их на улицу, то командир бандитского отряда, подошел к ним и вначале предлагал перейти на службу к партизанам, но когда все эти пятнадцать патриотов, как один человек грубо отказались даже и слушать предложение бандитов, тогда их повели за село на расстрел, где они и были спасены.

Перед восходом солнца, по приказанию командира сотни, пятьдесят сабель казаков во главе с хорунжим осталось в селе Лесничих, а остальные казаки, вместе с подесаулом поехали обратно в село Берестово.

Ф. Печорин

(Окончание в след. номере)

Р о з ы с к и

Пастарнак Георгий, Ф.П.№ 57 644-Е., разыскивает дядю Ант. Егор. Михайленко.

Саянов Александр Андр., Ф.П.№ 57 644-Е., — Ив. Фед. Михайлова, ст. Крымской.

Мельниченко Анатолий, ст. Елизаветинско, Ф.П.№ 09 023, — отца.

Пелипенко, Григ., ст. Анастасьевской (Кубань), Ф.П. № 57 861-Е., — отца Глеба Артемьевича.

Сысоев Алексей, Ф.П.№ 17 084-Е., — брата Степана.

Мих. Гладков — М. Г. Попельнюка, Г. И. Харина и А. В. Данькова. Адрес: M.-Gladkow, Heeres-Uffz. Jauer (8), Schles.

Ткачев Пик. Ив., Ф.П.№ 56 577-Е., — отца и В. И. Каменского.

Лешечко Ник. Евтеевич, Ф.П.№ 56 577-Е., — отца.

Мария Кудренко — сына Ивана. Адрес: Frau Kudrenko, Drobollach (12b), Kreis Villach, Pension Karner.

Задоя Михаил, ст. Кушевской, Ф.П.№ 15 542-Д., — родных. Виличко Дмитрий, Ф.П.№ 04 508 — Идимова Петра и Марию Степову.

Коверов Дмитрий, Ф.П.№ 57 361-Б., — брата Василия.

Скакунов Савва, ст. Романовской (Дон), Ф.П.№ 15 201-Е., — сына Николая.

Рубан Иван, ст. Роговской (Кубань), Ф.П.№ 57 361-Б., — брата Деомида.

Носенко Иван, ст. Анапской (Кубань), Ф.П.№ 57 361-Б., — Василия Носенко, Григория Кулика и Ефима Задорожного.

Ежов В. И., ст. Морозовской (Дон), Ф.П.№ 15 201-Е., — брата Павла Ивановича.

Юдин Аврам, ст. Милютинской (Дон), Ф.П.№ 14 760 — родных и знакомых.

Соколов Василий, ст. Попутной (Кубань), Ф.П.№ 09 027 — Архипа Яковлевича Соколова и Ивана Антоновича Ильенко.

Сотник Калугин С. разыскивает свою жену, Александру Григорьевну, нах. до июля с. г. при каз. станции в Новогрудке. Адрес: Oblt. Kalugin, Linz (Donau), Lager 45. VI-23.

Гализов Владимир, Ф.П.№ 48 742-А., — брата Михаила.

Шимус Иван Ив., Ф.П.№ 15 201-Б., — сына Бориса.

Макаренко Григорий — Мотю Лукьяновичу Макаренко. Адрес: Makarenko, Res.-Lazarett II, Block II, Station 8, SteinstraÙe 1-3, Brieg (8).

Печипоренко Григорий, ст. Старо-Титаровской, Ф.П. № 57 624-С., — брата Карла.

Костыченко Ник. Алекс., ст. Родниковской (Кубань), Ф.П. № 57 875 — станичников.

Кажура Иван Емельян, Ф.П.№ 57 875 — М. Т. Кажуру, ст. Афинской (Кубань).

Мягков В. Владимир, ст. Цымлянкой, Ф.П.№ 59 232: — Мих. Маринова.

Ес. Мих. Земцов, Ф.П.№ 02 306 — Зою и Евдокию Снязских и А. С. Помазанова.

Васильев Вас. Алекс., Ф.П.№ 49 660-Е., — Казаков ст. Каменской хут.х Волченска.

Цыплаков Мих. Мих., Ф.П.№ 58 979-Е., — отца ес. М. И. Тюкина.

Дежин Николай Ив., ст. Луганской (Дон), Ф.П.№ 17 084-Ф., — родственников и знакомых.

Летунов Александр, ст. Мечетинской (Дон), Ф.П.№ 57 055-Е., — станичников.

Тур. Эммануил Мих., ст. Ирклевской (Кубань), Ф.П. № 56 577-Б., — Измаила Ионо.

Мужичкин Тимофей, Ф.П.№ 32 500 — Синченка Леонида.

Гончаров Ник. Григ., ст. Лабинской, Ф.П.№ 57 644-Е., — Ник. Фед. и Ив. Егор. Звездинцевых.

Стрига Федор Саввич, Ф.П.№ 57 701-А., — брата Николая.

Лукьянов Иван Антонович, ст. Ермаковской (Дон), Ф.П. № 56 188-Д., — сына Андрея и войск. ст. Назыкина Григория.

Назаровы Сергей и Анатолий, ст. Раздорской на Дону, Ф.П. № 17 084-Е., — станичников и знакомых.

Молотилов Алексей, Ф.П.№ 57 361-Б., — Григория Нененко. Тыщенко Ник. Ник., ст. Каневской (Кубань), Ф.П.№ 57 519-Б., — П. С. Гричаного и Ив. Фед. Белана.

Щербак Вал. Никол., Ф.П.№ 48 876 — Алексея Ник. Щербака, из Ростова на Дону.

Луданов Дмитрий, ст. Новочеркасской, Ф.П.№ 04 508 — сына Федора.

Текутов Ив. Ив., ст. Иловлинской (Дон), Ф.П.№ 09 444 — братьев Павла и Василия и родственников.

Быкадоров Анатолий Фед., ст. Семинаракорской (Дон), Ф.П.№ 13 252-С., — брата Петра, Никифорова Ив. Фед. и Победнова Александра.

Хавдов Сафер, Ф.П.№ 57 055-С., — знакомых.

Белый Павел Георгиевич, ст. Васюринской (Кубань), Ф.П. № 30 420-К.; — отца и братьев.

Клейменов Иван, Ф.П.№ 17 084-Е., — Вас. Петр. Незельского, из Новочеркасска.

Комаров Владимир, ст. Краснокутской (Дон) — брата Василия Илларионовича. Адрес: Komarow, Graz (12a), G6sting, M4dchenschule, F- und E.-Bereitschaft.

Неживов Николай Ив., ст. Гундоровской, Ф.П.№ 15 201-А., — М. И. Шебанова к Ант. Ник. Неживова.

Казаки ст. Усть-Бело-Калитвенской Какичев Петр и Гугуев Григорий, Ф.П.№ 59 016-Б., — родственников и станичников.

Митрохин Мих. Мир., ст. В. Чирской, Ф.П.№ 57 701-С., — Ал. Ив. Зеленского и К. П. Жиркова.

Донцов Дмитрий — отца Ивана. Адрес: Donzow, Reserve-Lazarett II, Block V., Station II, Z. 5a, Brieg (8), Bez. Breslau.

Иван Химин, Ф.П.№ 15 201-Е., — брата Петра Петровича.

Плыгунов Иван Иванович, ст. Марьинской (Терек) — родственников и станичников. Адрес: Plygunow, Reserve-Lazarett Habelschwerten bei Glatz in Schlesien.

Проценко Клара, Ф.П.№ 33 317 — Василия Воронкова.

Обухов Иван Андреевич, с хут. Персиановка (Дон) — сына Николая. Адрес: Johann Obuchow, Landw. Forschungszentrale, Halbturm (12a).

Малахов Алексей Фе., ст. Ново-Лабинской, Ф.П.№ 58 851-А., — дядей М. Т. Петровского и Павла Тр. Петровского.

Рубашкин Илларион, Ф.П.№ 10 884 — родственников и знакомых.

Курилов Егор Дмитриевич, Ф.П.№ 23 622 — сына Василия. Иноземцова В. Е. и Мих. Вас. Курилова.

Карпенко Влад. Мих., ст. Воронежской (Кубань), Ф.П. № 56 361-Е., — братьев Василия и Ивана.

Луговский Зах. Вас., ст. Кисляковской (Кубань), Ф.П. № 56 361-Е., — брата Харидона и родственников: Радченко Гр. Д. и Кононенко Пл. Тих.

Kosakenstab F. P. Nr. 32 500 Нижепоименованные лица просят откликнуться на адресу:

Пецан Анисим Иванович ст. С.-Величковской Таманск. отд. Кубанск. обл. — зятя Кулик Матвея Никифоровича, выехавшего в 1920 г. в Болгарию, и дядю Гузин Семела Ивановича, выехавшего в 1920 г. в Сербию.

Сулацкова Елизавета Кузьминична ст. Камышовской Донской обл. — дядю Родионова Ивана Александровича; братьев: Родионовых Святослава и Гермогена Ивановичей; тетку Пономареву Сусанну Александровну и брата Пономарева Петра Петровича. Родионовы выехали в 1918 г. в Сербию, а Пономаревы в том же году — в Болгарию.

Гладков Федор Петрович ст. Келермесск. Майкопск. отд. Кубанск. обл. — братьев Гладковых Ивана и Максима Михайловичей, выехавших в 1920 г. в Германию.

Ярыш Алексей Федорович ст. С.-Величковской Славянск. отд. Кубанск. обл. — брата Шульгу Никиту Ивановича, выехавшего в 1920 г. в Сербию.

Кирсанов Иван Алексеевич ст. Ваклановской Донск. обл.

— брата Кирсанова Дмитрия Алексеевича, выехавшего в 1918 г. в Германию.

Янченко Василий Евстафьевич ст. Пришибенск. Сунжинского отд. Терск. обл. — брата Головки Семена Васильевича, выехавшего в 1920 г. во Францию, и отца Казей Никиту Петровича, выехавшего в 1920 г. в Болгарию.

Кох Степан Савельевич ст. Калужской Екатеринодарского отд. Кубанск. обл. — сына Кох Петра Степановича, выехавшего в 1948 г. по вербовке в Германию.

Казачка Краснова Валентина Александровна, рожд. 1909 г., разыскивает родственников: Краснова Павла Васильевича, рожд. 1864 г., ст. Преображенской Хоперск. окр. Донск. обл.; Краснова Сергея Степановича, рожд. 1917 г.; Возженникова Ивана Павловича, рожд. 1906 г. и Соколова Сергея Сергеевича, рожд. 1901 г. из г. Пензы.

Результаты сообщить по адресу: Kosaken Stab F. P. Nr. 32 500.